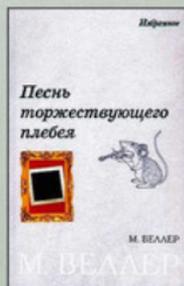

Михаил Веллер

Технология рассказа

*Часть сборника
Песнь торжествующего плебея
(сборник)*

Михаил Иосифович Веллер
Технология рассказа
Серия «Песнь торжествующего
плебея (сборник)», книга 6

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=144757*

Аннотация

«Сейчас говорят о возрождении жанра рассказа, о повышении интереса к нему после долгого перерыва. Расцвет русского советского рассказа приходится на двадцатые (Бабель, Иванов, Зощенко) и затем шестидесятые (Казаков, Шукшин и др.) годы. Оперативнее прочих прозаических жанров рассказ реагирует на изменения в общественной жизни: во-первых, он попросту быстрее пишется, во-вторых, в нем труднее халтурить, выдавать желаемое за действительное, подменяя пристальный взгляд на вещи длиннотами описаний и перечнем событий. Слабость романа может маскироваться обилием материала и многословным жизнеподобием; слабость короткого рассказа нага и очевидна. Характерно, что в период культа личности, когда литературу нацеливали на лакировку действительности и пропаганду заданных установок, премий удостоивались исключительно романы...»

Содержание

Введение	4
Глава 1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Михаил Веллер

Технология рассказа

В. Шкловский (в разговоре)

Введение

Сейчас говорят о возрождении жанра рассказа, о повышении интереса к нему после долгого перерыва. Расцвет русского советского рассказа приходится на двадцатые (Бабель, Иванов, Зощенко) и затем шестидесятые (Козаков, Шукшин и др.) годы. Оперативнее прочих прозаических жанров рассказ реагирует на изменения в общественной жизни: во-первых, он попросту быстрее пишется, во-вторых, в нем труднее халтурить, выдавать желаемое за действительное, подменяя пристальный взгляд на вещи длиннотами описаний и перечнем событий. Слабость романа может маскироваться обилием материала и многословным жизнеподобием; слабость короткого рассказа нага и очевидна. Характерно, что в период культа личности, когда литературу нацеливали на лакировку действительности и пропаганду заданных установок, премий удостоивались исключительно романы.

Если в литературе отражается состояние жизни, то в литературоведении – состояние литературы. На смену исследо-

ваниям двадцатых годов пришли вульгарно —

социологические трактаты и фанфарно-барабанные статьи. Критика орудовала кнутом и пряником, а излюбленным методом затравленных литературоведов стал «отрывок, взгляд и нечто». Наука о литературе выродилась в комментированное чтение: «ученый» пересказывал содержание произведения, перемежая его восторженными или негодующими восклицаниями и щедро расклеивая ярлычки «идейность», «пафос», «народность», «партийность», «положительный образ». Анализ текста был объявлен формализмом и заклеен как идеологически чуждый. В противном случае голого короля пришлось бы назвать голым. Кто помнит сейчас шедевры из бесконечной серии «Лауреаты Сталинской премии»?

В шестидесятые годы был сделан ряд попыток разобраться в сущности рассказа — как литературоведами (А. Нинов, Э. Шубин), так и самими писателями (С. Антонов, Ю. Нагибин). Основные их недостатки — многословие, неконкретность, отсутствие поставленной перед собой задачи и как следствие — отсутствие какой-то систематичности.

Каждый интересующийся рассказом может раскрыть Литературную энциклопедию или словарь литературоведческих терминов и выяснить значение слов: сюжет, композиция, деталь, образ и характер, зачин и экспозиция, пролог и эпилог, завязка-кульминация-развязка, тема и идея. Понятия эти, увы, расплывчаты и трактуются по-разному. Поэто-

му кое-что оговорим.

Рассказ можно считать древнейшим и первым из литературных жанров. Краткий пересказ события – случая на охоте, поединка с врагом и тому подобное, – уже является устным рассказом. Расцветенная домыслом и поэтизированная легенда, сказка, миф, то есть культивированная литература, появляются позднее. В отличие от прочих родов и видов искусства, условного по своей сути, рассказ исконно присущ человечеству, возникнув одновременно с речью и являясь не только передачей информации, но и средством общественной памяти. Рассказ есть изначальная форма литературной организации языка.

Затем литература развивается в двух аспектах: усложнение и обогащение языка и усложнение и обогащение текста за счет объема: подробности, мотивировки, панорамность изображения, длина сюжета. В античной литературе процветают драма, поэзия, хроника, роман – рассказ отсутствует. Он входит составной частью в Библию, в крупные прозаические произведения, но самостоятельной роли не играет.

Предшественники современного литературного рассказа – анекдот, фэблию, фацеция, шванк – выступают на авансцену в эпоху Возрождения после длительного упадка литературы. Появляется новелла, чтобы со временем уступить основное место жанрам более изысканным и мощным – поэзии, драме, роману. Происходит как бы следующий виток спирали. Трагедия Шекспира во всем превосходит и затеняет свою

скромную предшественницу – новеллу Бранделло.

И только в Золотом веке европейской литературы – XIX – рассказ вновь обретает значение, чтобы не терять его по сию пору. Причины следующие. Эстетика классической литературы позволила говорить многое, излагая кратко. Поэтизированный язык делал фразу многозначной. Романтизм оперировал символами и аллегориями. Изобразительные средства достигли изощренности. Глубина мыслей и чувств могла теперь открываться через небольшие эпизоды, проза как бы сблизилась с поэзией, и рассказ возник на этом рубеже. Рассказ стал как бы квинтэссенцией романа. А кроме того, с проникновением во внутренний мир человека и с познанием мира окружающего стало появляться все больше неизвестных ранее подробностей, особенностей, явлений – и рассказ мог сосредоточиться на описании и исследовании, например, какого-то одного аспекта жизни, одной черты характера, что явилось отчасти спецификой и привилегией жанра. Повлияли и чисто технические обстоятельства – возникновение множества газет и журналов, которым требовались вещи для чтения «в один присест». Убыстрился темп жизни, она стала разнообразнее, интерес к злободневности увеличился, а рассказом писатель мог откликнуться на событие буквально на завтра (сказкой это звучит для наших писателей, ждущих выхода рассказа в журналах годами...).

Что такое рассказ?

Терминологические споры в литературоведении всегда

бесплодны. Часто пытаются разграничить рассказ и новеллу, а также выделить миниатюру, эскиз и зарисовку. Двадцатый век склонен к формотворчеству, каноны жанров размыты. Если руководствоваться принципом объема, то «Прищипа» Бабеля не рассказ, а миниатюра, – слишком коротко. Если принять единство места и времени, как иногда до сих пор советуют, то «Улисс» Джойса – рассказ, просто гигантского объема. Если требовать завершенности действия, то «Проклятый север» Казакова – не рассказ, а чрезвычайно растянутая зарисовка. Уж вовсе никакому определению не удовлетворяют некоторые рассказы Вирджинии Вулф. Представляется, что сейчас следует определить рассказ как законченное прозаическое произведение объемом до сорока пяти страниц.

Почему именно сорока пяти? Это приблизительная величина, два авторских листа. Такая вещь читается «на одном дыхании». Прозу более длинную по-русски следует называть повестью. Длина – очень важный показатель рассказа, от длины зависит темп и ритм прозы; психология восприятия длинной и короткой прозы различны. Короткая проза, читаемая за один раз без признаков утомления, допускает большую концентрацию текста,

большую лаконичность, формальную изощренность, густоту стиля: читатель может медленно смаковать трудную фразу и отдельную деталь, держа одновременно в сознании рассказ целиком. Стиль, конструкция, способ выражения в

рассказе находятся в неразрывном единстве с его размером. Если тем же языком, что написаны трехстраничные рассказы Зоценко, написать роман, то этот роман не будет существовать – рассыплется на абзацы, читатель забуксует в пространстве, забыв начало и не видя конца. Если языком Достоевского написать восьмистраничный рассказ, рассказа не будет, получится лишь отрывок многословного описания без всякой видимой цели и законченной мысли: этот язык – неотъемлемый пласт длинного романа.

Объем – внешний показатель; по сути же рассказ отличается от других прозаических жанров тем, что у него гораздо более высокий

коэффициент условности.

Что это значит? Поэзия более условна, чем проза: никто в жизни не говорит в рифму, не изъясняется выражениями «я бросил в ночь заветное кольцо», а взгляд еще никого не прожигал в буквальном смысле. Искусство и сила поэзии именно в несовпадении ее с привычным обыденным словоупотреблением. Наименее же условен в литературе натуралистический роман типа Золя – это близко к фотографическому реализму, «все как в жизни», понятно самому неквалифицированному читателю: изображение жизни в формах жизни, можно сказать.

Так вот, рассказ находится между этими полюсами, гранича с поэзией и частично смыкаясь с ней. Повесть тяготеет к последовательному изложению событий – последователь-

ность изложения в рассказе может быть самая разнообразная. Роман изображает и воссоздает события так, как в принципе мог бы их рассказать или описать грамотный очевидец – рассказ из множества событий отбирает одно-два, но компоует и излагает их так, как обычному человеку не пришло бы в голову: лаконично, через деталь, несколькими штрихами создавая цельную картину. Рассказ – отчасти стихотворение в прозе, отчасти роман в миниатюре.

Доля соучастия читателя при чтении поэзии максимальна, при чтении хорошего рассказа – близка к ней, роман же – наиболее «разжеванный» из литературных жанров, он более прочих говорит все сам и менее требует домысливания и расшифровки.

Необходимость тщательной отделки, точность построения, высокая напряженность текста, многозначность смысла и дали основания многим большим писателям назвать рассказ «труднейшим из прозаических жанров».

Примечательно, что начинающие писатели берутся именно за рассказы. Не потому, конечно, что рассказ труднее, а потому, что короче. А плохой рассказ написать, конечно, легче, чем плохой роман, и уж во всяком случае гораздо быстрее.

Вообще говоря, процесс создания литературного произведения можно подразделить на три этапа:

познать
сказать

стать услышанным.

К первому относится узнавание жизни, набирание и осмысление жизненного опыта, понимание людей, чтение книг, напряженный мыслительный и чувственный процесс, результатом чего является творческий замысел, потребность выразить в произведении нечто открывшееся тебе, неизвестное ранее, новое в литературе.

Ко второму – собственно литературная работа, в свою очередь состоящая из последовательных действий:

1. Отбор материала.

2. Организация материала, или создание композиции.

3. Изложение организованного материала художественным языком.

Именно на этом этапе мы и остановимся подробно.

Что же до последнего, то ведь жизнь литературного произведения начинается не тогда, когда автор поставил точку, а тогда, когда оно прочитано и понято читателями. Сколько гениев умерло в неизвестности, сколько шедевров сгинуло в пожаре Александрийской библиотеки... Объективно произведение литературы существует тогда, когда оно

прочитано,

понято,

оценено.

Прочитано означает как минимум опубликовано и замечено. Для этого тоже нужны умение, удача, труд, порой и реклама. Поучительно было бы практическое пособие для мо-

лодых (и не очень молодых) авторов, как надо публиковаться и привлекать к себе внимание; дело это подчас очень непростое. А без надежды на то, что вещь будет прочитана и замечена, она почти никогда не будет написана. Психология этого вопроса может быть темой отдельного исследования психологии творчества.

Понять новое бывает трудно и в науке, и в искусстве. Как издевались современники над «Тристрамом Шенди» Стерна, как пожимали плечами над «Шумом и яростью» Фолкнера! Новое рождается в борьбе со старым, старое сопротивляется новому, а поскольку талантливое в литературе – это всегда нечто новое, то естественно, если оно поначалу встречает противодействие, отрицание, замалчивание, насмешки. Писатель всегда должен быть готов к непониманию и хуле. Должен исполниться стойкости, веры в себя, терпения.

Оценка же окончательно выносится обычно лишь историей. И «Повести Белкина», и «Герой нашего времени», и «Красное и черное», и «Гамлет», весьма низко расцененные при появлении, обрели признание не скоро. Такова судьба всего, что опережает свое время, определяя пути развития культуры.

Хотя заслуженная и скорая прижизненная слава тоже нередка.

Что же остается писателю? Только писать – так, как он считает верным.

Глава 1

Замысел

Как всякое искусство, литература условна. Вначале человек овладевает речью, которую можно назвать первой условной системой, – звуки сочетаются в слова, обозначающие предметы, действия, чувства. Вторая условная система – письменность: изображение значков-букв обозначает слова. В этом ряду литературное произведение является третьей условной системой – каждый художественный жанр имеет свою специфику: объем, количество действующих лиц, интонационно-стилистическую организацию речи, завершенность обобщающей мысли. Письменность как технический материал литературы с веками мало меняется. Быстрее меняется эстетика искусства, имеющая следствием сумму художественных приемов: для романтика неприемлемо писать так, как писали классицисты, а век спустя реалисты отвергают романтиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.